

XVIII КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

В мае 1987 г. в Москве в Институте востоковедения АН СССР состоялась очередная, XVIII конференция по изучению Австралии и Океании. В работе конференции приняли участие австраловеды и океанисты Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Еревана, Ростова, Владивостока, Курска, Днепронетровска, Воронежа; представители различных научных дисциплин (политологи, экономисты, историки, этнографы, литературоведы, лингвисты). На одном из заседаний присутствовали также профессор Гуамского университета (Микронезия) Дик Баллендорф и его жена Франческа (микронезийка с о. Понапе), рассказавшие о постановке учебно-воспитательной работы в Гуамском и других университетах Океании. Они ответили на многочисленные вопросы.

К началу конференции, как всегда, были опубликованы программа и расширенные (до 0,3 п. л.) тезисы докладов¹. Председатель конференции К. В. Малаховский (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) в кратком вступительном слове отметил возрастающую роль народов Австралии и Океании в мировой политике и экономике, указал на значительный вклад этих народов в сокровищницу мировой культуры. В ходе ежегодных научных встреч постепенно происходит сближение позиций, подходов и интересов представителей разных наук, вырабатывается комплексный метод изучения различных аспектов жизни народов австрало-океанийского региона, занимающего треть земного шара.

На конференции было заслушано 30 докладов. Многие доклады по своей тематике — комплексные, но можно условно сказать, что девять из них были посвящены собственно этнографии, семь — политике, четыре — экономике, три — истории, пять — литературоведческим и два — лингвистическим проблемам.

Экономисты, политологи и историки выступили с докладами: «Австралия и АСЕАН: политические и экономические отношения в 70—80-х годах» (В. Я. Архипов, Ин-т востоковедения АН СССР, Москва); «Политика США в Океании» (А. В. Торкунов, Ин-т международных отношений МИД СССР, Москва); «О становке сил в американских политических и экономических кругах по вопросу о Тихоокеанском сообществе» (В. Б. Якубовский, ИМЭМО, Москва); «Интеграционные процессы в бассейне Тихого океана и конференция Тихоокеанского экономического сотрудничества» (А. Ю. Сучков, Ин-т востоковедения АН СССР, Москва); «Австралийский фашизм и некоторые вопросы эволюции национальной идеологии в конце XIX — первой трети XX в.» (А. Ю. Рудницкий, Дипломатическая академия МИД СССР, Москва); «Историко-экономическое моделирование переселенческого капитализма в Австралии» (М. М. Солодкина, Всесоюзный заочный финансово-экономический ин-т, Москва); «Колониальная политика Германии в отношении островов Микронезии в период 1920—1930-х годов» (К. Ю. Бем, Ин-т востоковедения АН СССР, Москва); «Некоторые проблемы конституционных реформ в Австралии» (О. В. Жарова, Ин-т востоковедения АН СССР, Москва); «Классовые основы иммиграционного законодательства Австралийского Союза, 1901—1939 гг.» (Г. И. Каневская, Дальневосточный гос. ун-т, Владивосток); «Австралийские адреса в документах большевистской партии. 1912—1917 гг.» (А. И. Савченко, Днепронетровский гос. университет); «Д. А. Дриль — русский исследователь новокаледонской ссылки» (Е. В. Говор, Москва).

Большой интерес вызвала серия докладов по литературоведению: «Австралийский герой нашего времени: роман Дэвида Мелуфа „Джонно“» (О. В. Зернецкая, Ин-т литературы АН УССР, Киев); «Рассказы Гевина Кейси 1930-х годов» (Л. А. Шевалдин, Воронежский пед. ин-т); «Некоторые особенности поэтики Кэтрин Менсфилд» (В. И. Котлярова, Ин-т инженеров железнодорожного транспорта, Ростов); «Композиционные особенности романа Фрэнка Сарджесона „Мне снилось“» (Н. Г. Наниташвили, Сектор информации по общественным наукам АН СССР, Тбилиси).

Из литературоведческих докладов ближе всего к этнографической проблематике доклад «Первый опыт океанийского литературоведения» (А. С. Петриковская,

¹ Программа XVIII научной конференции по изучению Австралии и Океании. М., 1987; XVIII научная конференция по изучению Австралии и Океании. Тезисы докладов. М., 1987.

Ин-т востоковедения АН СССР, Москва). В докладе было отмечено, что в Океании *теперь имеется своя местная литература: франкоязычная на Новой Каледонии и во французской Полинезии (также на таитянском языке); англоязычные литературы ряда меланезийских, микронезийских и полинезийских государств — Папуа Новой Гвинеи (ПНГ), Соломоновых Островов, Вануату, Фиджи, Западного Самоа, Тонга, Тувалу, Кирибати; литература Островов Кука, Ниуэ и Токелау; зачатки рапануйской литературы на рапануйском и испанском языках; зачатки литературы в колониальной Микронезии (Гуамский университет до сих пор не очень заботился о литературных начинаниях); творчество маори Новой Зеландии. Появилось недавно и океанийское литературоведение. Самоанский писатель Альберт Вендт читает в Южнотихоокеанском университете курс лекций по океанийской литературе. Преподаватель Южнотихоокеанского университета Субрамани, редактор фиджийского журнала «Мана», в 1985 г. выпустил в свет книгу «Океанийская литература. От мифа к художественному вымыслу». Субрамани не пишет, к сожалению, о произведениях на местных языках, а также о литературе ПНГ, что обедняет его исследование. В книге приведен обширный материал, упомянуты новые подробности и факты, отмечены сдвиги в художественном творчестве океанийцев. Докладчик процитировал общий вывод Субрамани: «В широком смысле культурное изменение, которое отражено в новой литературе, есть общий переход от мифологической концепции мира к историческому и проблемному взгляду на мир, постепенный переход от положения внутри устной традиции, где магия и миф дают ответы на важные вопросы, к десакрализованному миру, где миф и магия утрачивают свою жизнеспособность». Океанийская литература, подчеркнул докладчик, ведет борьбу с колониализмом и неоколониализмом, выступает за реабилитацию традиционных культур.*

Как уже было сказано, лингвистических докладов было всего два. Значительный интерес для этнографов-океанистов представляет доклад «Роль креольских языков в культурных процессах современной Меланезии» (В. И. Беликов, Ин-т востоковедения АН СССР, Москва). Докладчик охарактеризовал языковые процессы, происходящие в трех независимых государствах — ПНГ, Соломоновых Островах и Вануату. Традиционный хозяйственный и культурный уклад в этих государствах, подчеркнул докладчик, во многом сохранился неизменным вплоть до настоящего времени. Однако понятие «традиционный» стало шире по своему содержанию. Возникшие за последнее столетие креольские языки — ток-писин в ПНГ, неосоломоник на Соломоновых Островах, бислама в Вануату — ведут происхождение от английского торгового пиджина, но, несмотря на очевидное их родство с английским, воспринимаются папуасами и меланезийцами как «свои» и противопоставляются «чужим» языкам колонизаторов. Ток-писин рассматривается нередко как язык мифических предков. Ныне эти языки имеют официальный статус — на них издаются книги, газеты и журналы, ведутся школьное обучение, церковная служба, государственное делопроизводство, радиовещание. Политическая фразеология, однако, столь сильно наполнена англицизмами, что для широких масс перестает быть понятной. Будущее креольских языков, их место в культурной жизни Меланезии, заключил докладчик, зависит от многих факторов, и пока трудно его предсказать.

В. В. Ощепкова (Пед. ин-т им. Крупской, Москва) в докладе «Лингвострановедческая лексика английского языка Австралии: топонимы» отметила, что почти каждое топонимическое название (континента, штатов, городов, рек и т. д.) имеет образные синонимы. Так, Австралия — это и «Южная Земля», и «Земля Акации» (там около 500 видов акаций), и «Страна Кенгуру» и т. д. Топоним Ботани Бэй (Ботанический залив, где очень богат и разнообразен мир растений) стал обозначать каторгу (она возникла здесь в 1787 г.), затем породил выражения «ботанибейская доза», т. е. наказание в 25 ударов плетью, и «ботанибейская экскурсия», т. е. высылка на каторжные работы. Термином «Ботани Бэй» в Англии стали обозначать некоторые колледжи Оксфордского и Дублинского университетов за их отдаленное расположение (как Ботани Бэй от Англии). Некоторые топонимы встречаются в Австралии очень часто (Сэнди Крик — 130 раз). Предпринимались попытки переименований топонимов, вызвавшие протесты местных жителей. Топонимы, по мнению докладчика, — это носители знаний о стране, о ее истории, своего рода культурные памятники.

Значительное место в работе конференции заняли доклады этнографов, а также историков, содержащие ценные этнографические материалы. Э. И. Раззакова (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) рассказала о том, как аборигены Австралии ведут борьбу за право быть хозяевами на своих землях. Проект закона о земле

для аборигенов, составленный федеральным правительством в 1985 г., фактически лишает их этого права, создает благоприятные условия для бесконтрольной эксплуатации их земель местными горнорудными компаниями и транснациональными корпорациями. Против этого проекта выступает общеавстралийская организация аборигенов — федерация земельных советов; проект подвергнут критике на ряде форумов аборигенов. Общеавстралийская конференция левых сил в марте 1986 г. также осудила этот проект и потребовала предоставления аборигенам полных прав на землю. Национальный закон о земле для аборигенов до сих пор не выработан.

А. Я. М а с с о в (Кораблестроительный ин-т, Ленинград) в докладе «Материалы кругосветного плавания шлюпа „Кроткий” как источник по истории Австралии» привлек внимание к малоизвестному факту — посещению русскими Порты Джексон (Сидней) в 1829 г. В материалах участников плавания, особенно в путевом дневнике мичмана Е. А. Беренса, содержится немало сведений, позволяющих внести дополнительные детали в историю английской колонизации пятого континента. Е. А. Беренс пишет и об аборигенах Австралии (он встречал их на улицах Сиднея), об их оружии, татуировке, способах охоты, отмечает с сожалением резкое сокращение численности коренного населения.

В. Р. Ка б о (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) в основу своего доклада «Модель мира в традиционных представлениях аборигенов Австралии» положил сведения, полученные им от поэтессы-аборигенки Кэт Уокер. В феврале 1987 г. Кэт Уокер была делегатом конгресса «За безъядерный мир, за выживание человечества» в Москве. Во время встречи с В. Р. Кабо (беседа длилась несколько часов) она сообщила очень интересные факты: сама она — из племени нунукан, ее тотем — коврая змея. В прошлом она, по ее убеждению, прошла целую цепь перерождений, побывав в телесной оболочке многих мудрых людей, прежде чем стала Кэт Уокер, поэтому она так много знает. Кэт Уокер нарисовала «вечный круг жизни»: дети становятся мужчинами и женщинами, потом они стареют и умирают, а их души возвращаются в мир живых в телах новорожденных детей. Тот же «вечный круг жизни», отметил докладчик, имеется на многих чурингах и означает, видимо, цепь перерождений. Затем Кэт Уокер нарисовала «священный путь»: мальчики, пройдя этот «священный путь» (обряды инициации), превращаются («перерождаются») в юношей. Кэт Уокер нарисовала также маршрут передвижений общины по своей территории. Община, по мнению докладчика, — это точка отсчета в освоении и понимании аборигенами мира. Она лежит в основе моделирования первобытным человеком его представлений о мире.

В докладе «Погребальные обычаи и обряды аборигенов Австралии» (Е. А. К и с е л е в а, Курский пед. ин-т) были рассмотрены различные способы захоронения (в земле, в полом стволе дерева, на платформе), бытовавшие у аборигенов Австралии, — все они связаны с верой в загробную жизнь, равно как и мумификация и кремление. Способ захоронения зависел от возраста и пола умершего, его общественного положения. Во время погребальных церемоний исполнялись песни и танцы.

Доклад «Голос музыкального инструмента — голос предка» (Л. А. А б р а м я н, Ин-т археологии и этнографии АН Армянской ССР, Ереван) был посвящен попытке раскрыть смысл поверий, связанных с армянским духовым инструментом — зурной (она сделана из дерева, пораженного молнией; ее звук — голос грома). Докладчик привлек для сравнения древнегреческий миф о Сиринге (нимфа превратилась в тростник, из которого была изготовлена свирель; звук свирели — голос нимфы), затем — миф австралийских аборигенов о женщине по имени Мумуна (умирая, она издала крик, и этот крик вместе с брызнувшей ее кровью вошел в рядом стоящее дерево; убийца Мумуны вырезал из этого дерева гуделку — она тоже называется «мумуна»; звук ее — предсмертный крик Мумуны).

Н. И. Н о в и к о в а (Ин-т и Музей антропологии МГУ) в докладе «Австралийские коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ им. Д. Н. Анучина» информировала о том, что в Музее хранится около 300 предметов культуры аборигенов Австралии (копья, копьеметалки, бумеранги, щиты, палицы и др.), причем некоторые из них были собраны в начале и середине прошлого века. Докладчик подробно рассказала о копьях, копьеметалках и орнаментах на них (изображения людей, рыб, деревьев), придерживаясь классификации, разработанной О. В. Гиршфельд (Токаревой); о приборе для добывания огня, о сосудах из древесной коры и других экспонатах. Часть предметов поступила от русских и иностранных путешественников в конце XIX — начале XX в.; некоторые куплены у иностранных фирм.

В докладе «Расовая дискриминация в Новой Зеландии» (Л. Г. Стефанчук, Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) было отмечено обострение противоречий между маори и пакеха (новозеландцами европейского происхождения). Было время, и не столь отдаленное (1945 г.), когда 80% маори жили в сельской местности и лишь 20% — в городах. Но отчуждение маорийских земель продолжалось (во владении маори осталось всего 4,5% всей земельной площади, когда-то полностью принадлежавшей им), численность маорийского населения росла, и теперь картина обратная: 80% маори живут в городах и лишь 20% — в сельской местности. Более половины маорийского населения — это молодые люди в возрасте до 20 лет. Безработица среди маори тоже растет и дошла сейчас до 14,1%, причем 7% безработных — это молодые люди в возрасте 15—19 лет. Маорийская молодежь по существу оказывается выброшенной за борт и остро ощущает свою обездоленность. Не приходится удивляться тому, указал докладчик, что с 1980-х годов на городских улицах стали появляться группы юношей-маори под названиями «Охотники за головами», «Слуги дьявола» и т. п. В Окленде насчитывается более 1 тыс. членов таких групп; они нарушают правила общественного порядка, нападают на бары, совершают акты насилия. Таковы, в частности, последствия безработицы среди маори, их неравенства в экономической и социальной жизни, а также других проявлений расовой дискриминации.

Е. С. Соболева (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Население португальского Тимора в конце XIX в. по данным переписи» рассказала о колониальной политике Португалии на Тиморе, направленной на освоение материальных и людских ресурсов острова. Это потребовало приблизительной оценки численности его коренного населения. Перепись вели главный викарий и настоятель миссий на Тиморе Ж. Г. Феррейра, а также губернатор Португальского Тимора Х. С. Вакиньяш, объезжая местные княжества (их было более 50) и спрашивая правителей о числе их подданных. Общая численность населения Португальского Тимора, по данным Феррейры, — 301 600 чел., по данным Вакиньяша, — более 593 тыс. чел.

Н. А. Бутинов (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Новогвинейские дневники Н. Н. Миклухо-Маклая» высказал ряд соображений о том, как Н. Н. Миклухо-Маклай, а после его смерти Д. Н. Анучин готовили новогвинейские дневники к печати. Сложность этой работы для Н. Н. Миклухо-Маклая состояла в том, что он, пробыв более 20 лет вне России, в какой-то мере отвык от русского языка. По мнению докладчика, два писца под диктовку автора составляли черновые рукописи, а затем переписывали их набело. В этих рукописях много неточностей, ошибок, стилистических погрешностей, которые Н. Н. Миклухо-Маклай из-за болезни и преждевременной смерти не смог устранить. Русское географическое общество поручило академику Д. Н. Анучину подготовить дневники к печати. Д. Н. Анучин правил рукописи осторожно, сверяя с имевшимися в его распоряжении подлинными дневниками. Ныне из шести подлинных дневников сохранился только один, и правка Д. Н. Анучина, как считает докладчик, не удаляет нас от подлинного текста, а скорее приближает к нему. Докладчик отметил далее, что Д. Н. Анучин (скончавшийся еще до того, как подготовленная им книга вышла в свет) и последующие редакторы обнаружили и выправили не все ошибки, содержащиеся в рукописях, и здесь еще предстоит большая и кропотливая работа.

В докладе «Мужские и женские союзы в Океании» (К. Ю. Мешков, Ин-т этнографии АН СССР, Москва) более секулярная Западная Полинезия была противопоставлена сакральной Восточной Полинезии. Культ бога Тангароа, отметил докладчик, характерен для Западной Полинезии и связан с мужскими союзами, культ бога Танае — для Восточной Полинезии. По мнению докладчика, «есть основание говорить о мужских союзах Западной Полинезии и женских союзах Восточной Полинезии, получивших отражение в идеологии».

М. С. Бутинова (Музей истории религии и атеизма, Ленинград) в докладе «Проблема полинезийского политеизма в музейной экспозиции» подчеркнула, что факт наличия политеистических религий в эпоху перехода от доклассового общества к классовому опровергает богословскую концепцию изначальности монотеизма. Этот факт заслуживает того, чтобы ему уделялось должное внимание не только в научных трудах, но и в музейных экспозициях. В Музее истории религии и атеизма в отделе «Религия первобытного общества» один из экспозиционных комплексов посвящен политеизму полинезийцев. Пантеон богов у полинезийцев был весьма обширен и постоянно обновлялся — одних богов забывали, других вводили в пантеон (вождей, обожествленных при жизни или после смерти). У полинезийцев были «великие» боги,

главные и рядовые. В экспозиции представлены изображения трех «великих» богов: Тангароа, Ронго и Ту, а также других богов — бога рыбаков с о. Паротонга; предка Тики, богини урожая и духа — хранителя амбаров у маори Новой Зеландии; злых духов у маори и гавайцев. Экспозиция убеждает в том, что главной формой религии у полинезийцев был политеизм. В образах богов олицетворялись различные явления природы и социальной жизни людей.

На заключительном заседании по многим докладам состоялась оживленная дискуссия. Подводя итоги конференции, К. В. Малаховский отметил, что в докладах дан глубокий и всесторонний анализ процессов, происходящих в экономике, политике, культуре народов Австралии и Океании в наши дни, а также имевших место в прошлом. Роль Австралии и Океании в международной жизни в последние годы сильно возросла. Государства этого региона ведут борьбу за превращение Тихого океана в зону, свободную от ядерного оружия, за экономическую независимость, против колониализма и неоколониализма. Поэтому научные исследования, посвященные Австрало-Океанийскому региону, приобретают в настоящее время особо важное значение.

М. С. Бутинова

СИМПОЗИУМ «ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ»

Симпозиум состоялся 17—18 ноября 1986 г. в рамках Ленинградского отделения Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, объединяющего различные учреждения города: академические институты, Ленинградский государственный университет, Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственный Эрмитаж, Государственный музей этнографии народов СССР, ряд государственных архивов.

Ленинградское отделение Научного совета, недавно отметившее свое десятилетие, координирует разработку трех комплексных проблем: историография и источниковедение; этногенез славян и балканских народов; формирование наций и национальных культур. Деятельность научного совета привлекает внимание ученых из разных городов нашей страны. В работе последнего симпозиума, посвященного проблемам реконструкции древнеславянской духовной культуры, принимали участие 83 этнографа, историка, фольклориста, музыковеда из академических институтов, университетов, а также консерваторий Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Львова, Горького, Петрозаводска, Вильнюса, научных учреждений Астрахани, Джамбула и других городов. На симпозиуме было прочитано 10 докладов, охвативших широкий круг теоретических и методических вопросов реконструкции различных сфер традиционной духовной культуры славян.

К участникам симпозиума с приветствием обратился зам. директора Института этнографии АН СССР (Ленинградская часть) Р. Ф. Итс, подчеркнувший важность использования данных этнографической науки в комплексных исследованиях.

В. Е. Гусев (Ленинград) сделал краткий обзор опытов реконструкции древнеславянской духовной культуры за последние 20 лет (работы В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, Б. А. Успенского, Н. Н. Велецкой, Л. Н. Виноградовой и др., а также научные конференции, посвященные данной проблеме). Особое внимание докладчик уделил методологическим и методическим вопросам реконструкции. По его мнению, серьезного внимания заслуживает все еще недостаточно разработанный генетический метод исследования культуры славянских народов. Подчеркнув, что реконструкция древнеславянской духовной культуры возможна лишь при условии комплексного подхода к решению проблемы, В. Е. Гусев призвал к участию в дискуссии не только этнографов и фольклористов, но и музыковедов.

Большой интерес и широкую дискуссию вызвал доклад Н. И. Толстого (Москва) о перспективах и задачах реконструкции древнеславянской духовной культуры. Опираясь на опыт создания «Этнолингвистического словаря славянских древностей», докладчик изложил некоторые общие принципы реконструкции. Важно учитывать, что реконструируется: инвентарь — система — текст. Для различных уровней существует разный «порог» реконструкции. К важнейшим методам реконструкции относятся